

18+

WALDEMAR KNAT

БЕГ

Waldemar Knat

Бег

«Издательские решения»

Knat W.

Бег / W. Knat — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514880-3

Семейная сага, в центре ее женщина, волею судеб попавшая в Россию в 1915 году. Драматическая история российских немцев прошла катком по всей ее жизни. Мечта о свободе великолепно образованной Сары фон Люк, дочери прусского генерала, удивительным образом трансформировалась в кристаллическую форму рабства, близкую к самым страшным примерам человеческой истории. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-514880-3

© Knat W.

© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
1974	7
1915	13
1924	24
1933	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Бег

Waldemar Knat

© Waldemar Knat, 2020

ISBN 978-5-0051-4880-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы родились и живем в удивительное время. Без преувеличения, как бы банально это не звучало: с 1945 года в мире больше нет мировых, больших войн, затрагивающих большинство граждан Европы, например. С тех пор войны стали локальными, уподобились, как цинично это не звучало бы, небольшому кровопусканию, коему средневековые лекари подвергали больного для достижения лечебного эффекта.

Нам же повезло, причем сильно. Три века европейской военной истории с кульминацией в 1945 году были страшным временем, поэтому все мы — счастливые люди, нам не довелось, а кому-то уже и не доведется испытать то, через что прошли поколения военных лет двадцатого столетия.

История двадцатого века густо замешана на геноциде, истреблении народов. Истреблении социальных групп. Классов. Их уничтожали только потому, что кому-то казалось, правильным убивать за то, что кто-то — носитель иных национальных традиций. Российские немцы также пострадали. Их уничтожали просто из-за того, что они немцы и говорили на немецком языке. Это, собственно, и называется геноцидом.

В 2015 году Бундестаг Германии принял резолюцию о признании геноцидом истребления турецких армян в 1915 году. Через 100 лет. Изучая трагедию армянского геноцида, не отпускает мысль о зеркальности истории: геноцид российских немцев 1941 — 1946 годов был подобен геноциду армян, ведь армян точно так же переселяли на запад Османской империи, объясняя тем, что могут помогать наступающей царской армии. И точно под таким же предлогом в 1941 году переселяли советских немцев в Сибирь и Казахстан. Точно под тем же предлогом их убивали. С одним небольшим отличием: армяне умирали от жажды, немцы умирали от холода. В остальном параллели пугают настолько что в конце концов возникает невольный вопрос к Бундестагу: дамы и господа, вы хотите дотянуть до столетнего юбилея геноцида российских немцев? А раньше — никак? Вам нравятся только круглые даты?

Многие сегодня спрашивают: «А зачем об этом вспоминать?»

Об этом не только надо вспоминать, об этом необходимо помнить постоянно. История, как выясняется сегодня, практически никогда никого ничему не учит, многие народы упрямо наступают на одни и те же «грабли». За исключением тех национальных культур, кто не хочет забывать и вписывает трагедии в свой национальный культурный код.

Так был вписан Холокост. И сегодня Холокост — скорбь, которую евреи никогда не забудут. И это — совершенно правильно. Почему же российские немцы так бездумно и так легко хотят забыть о геноциде своего субэтноса 1941—1946 годов? Мы глупее? Наивней?

Если эта книга сможет заставить хотя бы задуматься читателя, буду считать задачу выполненной. Моя скорбная мечта: рано или поздно геноцид российских немцев должен быть вписан в историю человечества.

1974

Мать и сын сидели на скамейке, на берегу пруда.

Говорили по- французски. Медленно, уставив рассеянный взгляд на мелкую рябь водной поверхности, со вздохом, мать произнесла:

– Сандр... ты уверен что все продумал?

– Да.

– Предположим, что ты оказался в Австрии, дальше что будешь делать?

– Не знаю. Буду вызывать жену с дочкой и тебя.

– Они нас не отпустят. Ты знаешь.

– Знаю. Но когда-нибудь же закончится их власть...

– Я не доживу... Как я надеялась на это, когда умер Сталин. Все думала, что в нем одном дело, что стоит только упырю сдохнуть, то все вернется... потихоньку, но вернется. А ничего не изменилось.

– Но я не могу уже ждать...

Женщина долго-долго смотрела на воду, качала головой:

– Да, ты прав. Надо хоть что-то пытаться делать. Ладно, Сандр... денег я тебе дам... на этот круиз...

Сын довольно улыбнулся, обнял за плечи старую женщину:

– Спасибо, Сара!

Но она никак не отреагировала на слова благодарности, все так же печально-недоверчиво качала головой.

У Сары всегда были деньги, несмотря на свой преклонный возраст. Бывало и много денег, хотя пенсия ее составляла какой-то смешной мизер, такой, что меньше уже не позволяла платить советская власть. Всю жизнь к ней ходили люди, всю жизнь она их лечила. Дать сыну на дорогой круиз по Черному морю не было большим обременением для ее кошелька. Собственно, и та сытая жизнь, какой наконец-то зажила ее семья вместе с сыном, его женой и внучкой была заслугой старухи, на зарплату Сандра, учителя средней школы и Анюты, плановика на заводе, особо не разгуляешься. Старая женщина зарабатывала больше, чем они вместе вместе. Своими руками. Многие называли ее руки волшебными. Только вот эти волшебные руки уже болели нещадно, по ночам вздрагивала от острой, пронизывающей боли в запястьях, старалась не глотать таблетки, но разве можно это было терпеть? Глотала. Приходилось вынимать заветный пузырек и запивать водой пилюлю, привезенную откуда-то издалека.

План сына был глупый, совсем дурацкий. Но, возможно, именно это качество и могло бы помочь.

Так сын думал. Просто не знал, что подобным образом рассуждает не только он. Но сейчас было уже поздно сокрушаться. Слишком поздно.

На каждом большом пассажирском судне, совершающем многодневные плавания, есть одна или несколько «кают», клеток, где по приказу капитана можно содержать арестантов. Находятся эти «номера» обычно на уровне нижних трюмов, оборудованы, звуконепроницаемы, надежно защищены от ненужных глаз и охраняются обученным персоналом.

Наверное, недалеко от камеры, где как раз и пребывал Александр Беккер, находилось машинное отделение: стоял постоянный, изматывающий нервы шум турбин. Вентиляция не справлялась с изнуряющими трюмными ароматами, пахло дизельным топливом и гнилыми мешками. Да еще шныряли крысы, не обращавшие, впрочем, никакого внимания на сидельца, у них был гораздо более вкусный источник еды, нежели этот сидящий, плачущий временами от боли в почках человек, с лихорадочно блестящими глазами. Постоянно хотелось пить, гло-

тал мутноватую, пахшую хлоркой воду, от нее становилось только хуже, после недолгого пребывания в желудке вода сама собой выходила обратно.

Сердце же работало как-то чересчур активно, а даже сердито, сидящий арестант слегка раскачивался в такт его биению. Жизнь казалась глупой, никчемной, не имела уже ровно никакого смысла и если бы сейчас была возможность умереть, то был бы только рад этому. Хватая сознанием обрывки этой горько-сладкой ускользящей мысли, более всего на свете хотелось, чтобы всё закончилось. Сознание в такие моменты трансформируется в нечто легкое и высоко-парящее, но одновременно и давящее, как под прессом. Мысли гнетуще-кристальные, несмотря на боль в теле. Арестант думал о том, что жизнь, в сущности, и есть тюремное заключение в свое тело. Твой дух мается в телесной оболочке как в клетке и только во сне может вдохнуть чистого воздуха свободы, улететь куда-то, жаль только, что ненадолго. Дух тоже страдает оттого, что телесная клетка терзается и ноет от болезней.

«Дух, заключенный в тело – это и есть его тюремное пребывание. Разве нет? Непонятно только: кто он, этот затейник? Тот, кто посадил в этот вонючий трюм известен. Но кто посадил меня в эту телесную оболочку?»

Впрочем, какая разница, как его зовут... Разве это важно?

«Бог наказал!» – говаривал отец.

«Бог? – думал тогда подросток Саша, но если он бог, то почему наказывает? Разве бог – может наказывать? Тогда какой же он бог? Разве больше некому наказывать, кроме него? И почему я должен его любить, если награждает страданиями непонятно за что?»

Вопросов тогда было много, а ответов не было совсем. То невнятное бормотание, что предлагали родители или другие взрослые было неубедительным и не отвечало ни на что. Подспудно зрела уверенность, что взрослые и сами не знали ответов.

«Человеку мало его телесной тюрьмы, он помещает себе подобных в еще одну, уже человеческую, в железную клетку».

– Тюрьма, сидящая в тюрьме! – произнес тихо Александр неожиданно для себя.

Этот образ показался ему забавным. «А если в тюрьме помещают в карцер? Тогда тройная тюрьма получается!» Сиделец улыбнулся.

Стремление к свободе, в сущности, и есть основа любого духа. В чем вина вина человека, любого человека, тогда он хочет вырваться из места своего заключения? Из «страны победившего счастья», например? Впрочем, и сейчас ответов нет, как не было и в возрасте, когда эти проблемы не должны возникать.

Высокого роста, плечистый матрос с буравящим взглядом принес какую-то еду на погнутом, выдавшем виды алюминиевом подносе. Молодой человек, исполняющий роль охранника, смотрел на арестанта враждебно, давая понять: с ним шутки плохи!

Выглядело комично.

Еда же, принесенная еще в прошлый раз, осталась нетронутой.

– Доктор нужен? – матрос произнес это, стараясь быть строгим и наглым.

– Нет, благодарю вас... – подчеркнуто вежливо, немного даже подтрунивая над матросом такой учтивостью, ответил человек в клетке.

Теплоход пришвартовался к причалу одесского пассажирского порта. Судя по времени, проведенном в трюме и по турбинам, внезапно стихшим, долгое время не подававшим жизни, это был конечный пункт его круиза по Черному морю. Только через двенадцать часов за ним прибыл «воронок», на нем арестанта привезли на железную дорогу и через сутки в специальном вагоне доставили в областной следственный изолятор КГБ.

В тесной камере содержались всего три человека. Они не говорили друг с другом, погруженные в свои думы. На деревянных нарах, свернувшись клубочком, спал молодой парень, иногда вскрикивая что-то во сне, в углу сидел, прикрыв глаза, временами тяжело вздыхающий, лысый человек, которого можно принять за бухгалтера.

Третий Александр Беккер, доставленный из Румынии. Дверь камеры отворилась, зашел сержант, держащий в руках бумагу:

– Александр Беккер!

– Я.

– На выход.

Сержант рывком поставил арестанта к стене, закрыл за ним дверь, и очень доходчивым, спокойным тоном произнес:

– Ведите себя разумно, бежать отсюда невозможно, да и некуда. Руки за спину! Пошел вперед!

По всем повадкам сержанта был виден профессионал. «Такой вырубит быстро и качественно» – пронеслось мельком в сознании.

В кабинете сидела молодая женщина чрезмерной упитанности, на голове красовался шиньон.

Женщина равнодушно поздоровалась, пригласила:

– Присаживайтесь, гражданин Беккер...

Порылась в каких-то бумажках, что-то с чем-то сравнила.

– Вы находитесь в следственном изоляторе комитета государственной безопасности, — три последних слова она произнесла с легким нажимом, —

– Меня зовут Нина Михайловна Конова, я дознаватель, веду сейчас ваше дело. Жалобы есть?

– Нет.

– А почему вы ничего не едите?

– Аппетита нет. Кроме того, у меня почки болят.

– Ну вот, а говорите, жалоб нет. Значит есть?

– Мои жалобы не помогут. Ваши румынские коллеги постарались, усердно постучали по почкам.

– Меня это не интересует, – резко оборвала Нина Михайловна.

Александр кисло усмехнулся:

– Ну вы же спросили про жалобы – я и ответил.

– Вы предали родину, гражданин Беккер...

– Это не так...

устало ответил сидящий на стуле небритый мужчина.

– Я только выпил вина и решил искупаться в море. А тут подоспели румынские секуритате на моторке... дальше вы знаете.

– А вы всегда купаетесь по ночам?

– По ночам тоже... Перед сном полезно, спится хорошо – усмехнулся арестант.

– Александр Эрнстович, – глаза дознавателя сузились, – давайте перестанем шутить!

В стенах этого учреждения над шутками не смеются... Пожалуй, даже наоборот: шутки вызывают обратную реакцию.

Последняя фраза была произнесена с некоторой язвительностью:

– Поэтому оставьте ваше чувство юмора для жены и матери. Про ребенка я уж не говорю: ваша дочь этого не поймет. Судя по всему, ваша шутка затянется лет на десять... крытки! Знаете что это – «крытка»?

Арестант опустил голову и не поднимая глаз, отрицательно покачал головой:

– Нет.

– Это тюрьма особого режима. Для государственных преступников.

– Но я не совершал преступления, – Александр поднял голову.

– Это решает суд! – иронично, со смешком отозвалась Нина Михайловна, – но... вернемся к вашему купанию... В ваши плавки был вшит заклеенный в водонепроницаемую пленку паспорт. На ваше имя. Вы всегда носите свой паспорт в трусах?

– Там был не только паспорт, но и деньги. Я вообще боюсь оставлять документы и деньги без присмотра. Украдут же, – с некоторой долей насмешки отозвался мужчина на стуле.

– Вряд ли суд вам поверит, – с улыбкой откликнулась на это следователь, – Скорее наоборот: это будет расценено как доказательство ваших намерений о бегстве, а значит и о предательстве родины! Александр Эрнстович... Ну, вы не первый, кто вот так...

дознатель усмехнулась:

– ...объясняет свой паспорт в трусах!

– Но ведь я не нарушал границу СССР!

– Кто это вам сказал?! Ошибаетесь! Борт судна – это государственная граница страны! Неужто вы об этом не знали? Не-ет! Вы об этом прекрасно знали, и даже расписывались, что проинформированы! А даже если и нет, то незнание закона не освобождает от ответственности.

Произнесла всё это с насмешкой, нарочито поучительным тоном.

Александр знал об этом, конечно. Это первое, что с самым серьезным видом сообщали всем, прибывающим на круизный теплоход по Черному морю.

– Вот тут нам... румынские товарищи докладывают... что вы угрожали им ножом, в момент задержания.

Александр вскинулся в недоумении:

– Я!? Этого не было!

– Вот это, – Нина Михайловна потрясла документом, – официальный документ! Документ работников государственной безопасности Румынской Народной Республики! В нем излагается, что гражданин Беккер Александр Эрнстович, был задержан при попытке пересечения границы СССР в скобках: круизного судна теплохода и угрожал работникам службы безопасности пассажирского порта при задержании оружием, в скобках, ножом. В результате чего, в момент задержания, к Беккеру А. Э. пограничной службой и работниками Секуритате были применены спецсредства. Это к вопросу о ваших почках.

Нина Михайловна долгим неприятным взглядом смотрела на подсудимого, убедившись, что произвела нужный эффект, молвила:

– Знаете что это? – сделала основной упор на слово «что», тщательно, с паузами, для вящей убедительности разделяя слова,

– это тяжкое государственное преступление. От десяти до пятнадцати лет или... смертная казнь.

Глаза арестанта покраснели и наполнились страданием:

– Но у меня не было никакого ножа! Это неправда! Румыны написали неправду!

«Поплыл, голубчик», удовлетворенно подумала дознавательница.

Нина Михайловна смотрела на растерянного и готового расплакаться мужчину, попыталась успокоить, впрочем, весьма язвительно:

– Александр... ну что вы! Плакать станете? Я хоть и сотрудник КГБ, но все-таки женщина! Самому-то не стыдно?

Нина Михайловна налила воды из графина, вздохнула:

– Попейте водички... Еще раз. Если бы не было ножа, все было проще, но нож – это оружие, отягчающее обстоятельство, основное доказательство вашей вины, с ножом всё гораздо хуже. Оч-чень хуже!

– Да не было у меня ножа! – Александр вскричал, слезы показались на его глазах. Он вскочил на ноги.

– А ну-ка сядьте! И успокойтесь, – приказала властным тоном,

– Ведешь себя как баба! – женщина с шиньоном на голове на мгновение перешла на «ты».

– Повторяю: статья шестьдесят четыре УК РСФСР, измена родине путем бегства за границу, от десяти до пятнадцати лет лишения свободы. А применение оружия серьезно отягощает вашу вину. Так что... все очень кисло, Александр Эрнстович.

Нина Михайловна была опытным сотрудником.

По выражению лица, глаз, по обертонам голоса догадывалась о чем думает и мечтает это глупое «бревно», – так называли у них в конторе людей, пытающихся бежать из СССР вплавь, по воде. Она знала также: подследственный хочет сейчас одного, умереть. Обещанные ему тюремные мучения были столь длинными и бессмысленными, что об этом мечтают практически все, кому впервые предстоит окунуться в жестокий тюремный мир СССР.

После некоторой паузы, выдавила нечто холодное:

– Но на высшую меру не надейтесь, этого сейчас уже нет, времена не те! Да и смерть слишком легкое наказание для таких предателей как вы! Придется помучаться, Александр Эрнстович! Но я только дознаватель, на этом моя функция закончилась, передам вас другому сотруднику, следователю, он будет решать что с вами делать дальше.

Нина Михайловна взяла со стола маленький клочок бумаги, написала на нем несколько слов и пододвинула арестованному, тот прочел: «Саша, соглашайся! Иначе твоя жизнь будет адом».

Потом быстро взяла этот клочок и сожгла в пепельнице. Закончив манипуляции, кнопкой вызвала охранника.

Арестанта увели, Нина Михаловна вошла в кабинет, за столом сидел мужчина в гражданском костюме:

– Ну что, он твой!

– Потёк?

– Да! – добавив со смешком, – а ты говорил не потечет!

– Записку написала?

Нина Михаловна, игриво:

– А то! Всё как учили! Материал готов к разработке.

– Ладно, завтра займусь.

На следующее утро:

– Здравствуйте, Александр Эрнстович! Меня зовут Полесов Виктор Васильевич. Я ваш следователь от комитета государственной безопасности. В принципе нам все ясно, остались только формальности – ваша подпись под протоколом допроса.

Комната для допросов была прокурена, Полесов, недовольно морщась, подошел к окну и открыл его:

– Чертов Кукозин, накурит как паровоз, проветривай после него...

Виктор Васильевич пододвинул листы бумаги мужчине, обросшему после злосудных заключений последнего месяца.

– Можете прочесть и подписать.

Александр сидел, безучастно сложив руки на коленях.

– Ну? Что ты замер? Либо читай и подписывай, либо я напишу, что подследственный отказался от подписи документа. Но для суда это неважно. Ваша вина, гражданин Беккер, уже установлена следствием, улики налицо, нож фигурирует в деле. Кроме того, гражданин Беккер, если вы хотите сделать чистосердечное признание своей вины, то можете это тоже написать собственноручно. Но ты везунчик, Шурик! У тебя появился выбор! Сейчас время такое... мир, дружба, жвачка... Никсоны приезжали... разрядка на зарядке... Вот только сегодня пришла разрядка, на негласных сотрудников, из числа подследственных. У меня есть право, дарованное партией – спасти таких заблудших овец, как ты. Хотя, если быть точным, то ты баран. Потому что только бараны могут бежать из нашей страны. Так что выбирай: либо ты пишешь признание своей вины и тогда свобода твоя близко, либо...

Сквозь открытое зарешеченное окно врываются ароматы сентября. К ним примешивался сладковатый запах сгоревшей картофельной ботвы, значит уже выкопали картошку и жгли сухие стебли. Этот запах щемяще узнаваем.

– Александр Эрнстович... На одной чаше весов ваша жизнь... Порядочный кусок жизни, пятнадцать лет! И неизвестно: выживете вы там или нет... Все же, в таких строгих тюрьмах сидят отпетые уголовники и ваша роль в камере уже известна. Либо убьют, если откажетесь делать то, что прикажут блатные, либо... под шконку. Шестеркой. Конечно, размолотят твою жопу. Парни там, как правило молодые, резвые.

– Где подписать?

– Нигде. Сидишь и пишешь сейчас явку с повинной, о том, что ты намеревался сбежать и предать родину.

– Ничего писать не буду.

– Как хочешь. Ты свою судьбу сам выбрал.

Подумав немного, А. Беккер взял бумагу, писал. Полесов встал, презрительно кинул подследственному:

– Приду через полчаса, чтобы все было написано. С места не вставать.

Вышел из кабинета, щелкнул замок.

Наконец, когда чистосердечное признание написано, арестант безучастно сложив руки на коленях и еще два часа ждал, пока вернется Полесов. Когда тот зашел в кабинет, быстро прочтя написанное, убрал листы бумаги в черную папку:

– А теперь пиши под мою диктовку... Я, Александр Эрнстович Беккер, находясь на круизном судне, пришвартованном в румынском городе Констанца, вечером пятнадцатого августа тысяча девятьсот семьдесят пятого года, выпил четыреста граммов, нет, это много, триста граммов водки, отчего мне стало плохо, почувствовав позывы к рвоте, вышел на палубу, перегнувшись через перила, засунув два пальца в гортань, пытался очистить желудок. Не справившись с вестибулярным аппаратом, я упал в воду. В беспомощности пытался куда-то плыть, куда не помню, но появились румынские пограничники, вытащили из воды, погрузили в свою моторную лодку и всю ночь я провел в их изоляторе. Наутро после допроса меня забрали работники круизного судна. У меня не было намерений бежать или каким-то иным образом предавать родину, все произошло как цепь нелепых и трагических случайностей. Дата, подпись...

Полесов удовлетворенно читал бумагу:

– Но это не все, дорогой гражданин Беккер... Сейчас идешь в камеру, а завтра с утра мы с тобой будем долго-долго говорить на тему службы родине. О том, что долги за ее хорошее к тебе отношение надо возвращать... О том, что теперь ты себе не принадлежишь, что не дай бог тебе послушаться твоего куратора от КГБ. Кстати, знаешь как расшифровывается КГБ? Контора глубокого бурения! И теперь остаток жизни наша организация будет тебя бурить. Глубоко и с чувством!

Следователь нажал на кнопку, вошел охранник и проводил в камеру.

1915

Новоиспеченные супруги весело хохотали, вспоминая свои парижские гуляния, покачиваясь в неторопливой пролетке, медленно трясясь по мощным улицам маленького польского города Оценде. Раньше городок назывался Остенде и принадлежал Восточной Пруссии, но всё преходяще в этом мире.

Ветерок развевал конец белого длинного шарфа на точеной шее красавицы, а парижская шляпка делала ее наряд изящней, совершенней. Спутник явно любовался своей женой, та была в самом расцвете женской красоты.

От счастливой и влюбленной женщины исходит сияние. Откуда струилось оно, впрочем, непонятно. Материалисты хотя и подвержены влюбленностям ровно в той же мере, как и нематериалисты, предпочитают это объяснять химией.

Мужчина носил строгий черный сюртук хотя и выглядевший скромным, но из очень хорошей шерсти. Волевой подбородок, ясные глаза, в которых, к тому же, чувствовалась энергия и мужественность, короткие темные волосы, прямая посадка спины выдавали в нем человека, воспитанного в протестантской традиции.

Перед пролеткой внезапно возник казачий разъезд. Усатый донской казак, судя по бляхе на его длинном облачении, ленивым движением правой руки с плеткой приказал экипажу остановиться, левую же руку он положил на тыльник сабли:

– Макументы!

Время тогда было уже вполне военное, русские императорские полки проходили через городок, казачьи части патрулировали улицы на предмет возможных непорядков среди немцев, а их жило тут большинство.

Эрнсту не хотелось вступать в разговоры по-русски, иначе это продлится долго, казаки вообще любили покрасоваться своей властью: долго качали головами, потирали усы, потому мужчина в черном сюртуке ответил по-немецки:

– Простите, что?

Казак крикнул кому-то:

– Есаула позови!

Через некоторое время супруги оказались в местной полицейской части, а ее дополняли еще и новоприбывшие войсковые чины.

Казачий офицер, внимательно рассматривал документы Сары:

– Вы еврейка, фрау Беккер?

Сара вскинулась удивленно:

– Я немка.

– Хорошо, спрошу иначе: вы иудейка?

– Я не принадлежу ни к какой конфессии.

Эрнст посчитал своим долгом вмешаться:

– Я извиняюсь, господин офицер: а какое это имеет значение?

Офицер усмехнулся, подкрутил ус и браво вымолвил:

– Да нет, никакого! Просто спросил.

– Теперь мы свободны?

– Не думаю. Господин Беккер, вы ведь недавно стали мужем фрау Сары?

– Да.

– Согласно указу его императорского величества, все подданные из числа немцев, проживающих на территории Великого княжества Польского, на период военных действий, во избежание возможных недоразумений, должны быть временно переселены вглубь России, на Волгу.

Сара:

– Но почему? Я подданная Германской империи!

– Вы можете ехать обратно, в Пруссию. А вот господин Беккер, ваш муж, имеющий паспорт Российской империи, поедет в Россию. Впрочем, у вас есть выбор! Вы можете поехать с мужем. Временно, фрау Беккер, временно! Я думаю, что это недоразумение между Германией и Россией не продлится долго. Уверен, что скоро всё будет как прежде и два кузена Николай и Вильгельм снова обретут понимание друг друга! И мы будем опять дружить и улыбаться!

Есаул был как-то неуверен, мялся, очевидно, хотел сказать что-то такое, что выходило за пределы его служебной инструкции. Но Эрнсту, привыкшему к ясным и недвусмысленным установлениям всей его жизни, его учебы, его нынешней работы и в голову не могло прийти, что проблема отъезда на Волгу в Россию могла быть решена, решена быстро и просто: надо только «отблагодарить» казачьего офицера и можно было ехать в сторону, обратную от востока, на Берлин.

Невдалеке стоял урядник примерно сорока лет, посверкивал серебряной серьгой в виде полумесяца, улыбался ободряюще Эрнсту. Вероятно, он и был передаточным звеном.

Эрнст задумался ненадолго, потом твердо произнес:

– Возвращайся в Берлин, Сара.

– Но я не хочу покидать тебя, Эрнст! У меня предчувствие, что если я уеду, то никогда уже тебя не увижу!

– Пожалуйста, я тебя прошу...

Но Сара улыбнулась и очень твердо ответила:

– Нет, Эрнст Беккер. Теперь ты от меня уже никуда не денешься!

И засмеялась тем смехом, который всегда делал Эрнста мягким как пластилин.

Молодые люди поженились сразу же после того, как Сара закончила университет в Цюрихе, получив свидетельство о праве работать врачом – специалистом по дамским болезням. В те времена титул «доктор», употребляемый в отношении женщины, был все еще нонсенсом: лечение людей было мужской профессией.

Сара пока не выбрала места работы, но в Германии для нее мало шансов, кайзер Вильгельм – убежденный противник женского проникновения в традиционно-мужские сферы жизни. А вот Польша, страдающая от нехватки докторов, особенно женских, представлялась хорошей перспективой для нее.

Эрнст же закончил берлинскую высшую сельскохозяйственную школу с уклоном в агрономию. Любовь, семья и прекрасные профессии сулили убаюкивающее будущее: все было впереди, всё самое лучшее! Великие в ту пору технические изобретения внушали головокружительные перспективы: началась новая жизнь! Теперь можно накормить гораздо больше народу, чем раньше. Автомобили, трактора, электричество, аэропланы.

Мешали только какие-то досадные глупости, вроде убийства эрцгерцога Фердинанда и последовавшей за этим никчемной войны.

Ну, в самом деле: зачем Германия и Россия должны воевать из-за наследника престола совсем другой империи – Австро-Венгрии? Эрнст же отвечал Саре нечто маловразумительное, вроде того, что высокая политика диктует свои резоны. Но очаровательной и умной молодой женщине, привыкшей за годы обучения в Швейцарии к простым и ясным проблемам, к преодолению этих проблем столь же простыми и ясными способами, было непонятно. А теперь еще и путешествие на Волгу.

Никакие уговоры Эрнста на жену не действовали, она отказывалась ехать в свое берлинское семейное гнездо. Потому получив твердое «я еду за своим мужем», казачий есаул вздохнул и изъял оба паспорта, запечатал в конверте сургучной печатью:

– Документы будут вам выданы в саратовском жандармском управлении. Вот расписка и адрес в Саратове.

Из поезда, следовавшего в сторону Саратова, было любопытно наблюдать поражающие их обоих после Швейцарии полусгнившие, серые, деревянные постройки по обеим сторонам дороги, они соседствовали с какими-то новыми строениями, а в развалинах этих жили люди, копошились дети. Дисгармония поначалу пугала, потом путешественники привыкли. Европейские представления о размерах стран не соответствовали тем просторам, которым им пришлось удивляться, следуя железной дорогой России.

А начиналось всё в Генте. В 1913 году, в Бельгии случилась всемирная выставка. На летние каникулы Сара приехала из Цюриха к своему старшему брату Оскару, служившему тогда смотрителем павильона Голландии, каковая выставила свои новейшие технологии сельского хозяйства и была ими чрезвычайно горда: даже Франция, славившаяся в те времена успехами в сельском хозяйстве не могла сравниться с тем, что показали голландцы. Оскар пригласил сестру письмом, оговорив, что на выставке будет много интересного, в частности, Германия представит новые хирургические инструменты, разработанные специально для родовспоможения. Это обстоятельство перевесило все другие вместе взятые, поставив окончательную точку в решении Сары посетить выставку, заодно и повидаться с братом. Проблема правильной помощи при родах всегда актуальна, если же учесть острый интерес ее именно к тому поприщу, что она избрала, то будущей фрау доктор следовало бы навестить выставку даже если в Генте и не было никакого брата.

Город встретил солнечно и радушно, Оскар, конечно, еще издали увидел сестру на вокзале, весело махал шляпой, потом надел ее, сделал строгое лицо, подкрутил усы, шутливо совершая прусское военное приветствие еще времен Фридриха Великого: правой ладонью дважды слегка прихлопывая свой головной убор. Так более ста лет назад, в дни празднеств Сан-Суси, «прихлопывали» свои треуголки преданные «старому Фрицу» такие же старые солдаты-ветераны, проходя мимо в потрепанных военных мундирах, на полусогнутых ногах, полувина с костылями, приветствуя своего короля.

Это был также и их с Оскаром знак: когда брат с сестрой встречались, то всегда совершали этот шутливый жест даже издали. Сара, радостно засмеялась, видя своего братца, и ответила точно так же, дважды прихлопнув свою дамскую шляпку. Оскар любил, когда сестра делала это: вытягивая во фронт тело, немного изгибая его вправо, получалось у нее как-то особенно залихватски и молодцевато, вместе с тем, по-женски очаровательно. Братец с сестрицей обнялись и поцеловались: не видели друг друга вот уже более шести лет, с тех пор, когда Сара покинула Берлин.

Оскар сопровождал ее на свою большую съемную квартиру, там оказалось много места и для Сары, оставил ее до вечера, сославшись на заботы выставки. Весь следующий день она провела одна, рассматривая хирургические инструменты, сиявшие хромом, другое медицинское оборудование, с которым ей, возможно, придется работать. И то, что Сара видела все эти инструменты в самом начале, давало ей, возможно, некоторую фору по сравнению со своими коллегами.

«Будет чем похвастаться перед профессором Штайнером», – он вел гинекологию и был академическим руководителем Сары фон Люк.

Брат пару раз подходил к ней и интересовался, не надо ли помощи, но Сара не обращала на ближайшего родственника ни малейшего внимания, бесцеремонно кидала:

– Поможешь, если удалишься к черту...

Вовсю что-то записывала в большую тетрадь с твердым переплетом, помыкала фотографом, суевающимся рядом, заставляя снимать крупным планом нужные инструменты на фотокарточки, которые позже будут ей присланы в Цюрих. Подробно расспрашивала находившихся там специалистов, полчаса могла вертеть в руках какой-нибудь мудреный прибор, представляя его в действии. Все, что было на выставке хоть сколько-нибудь профессионально интересным, было ею самым тщательным образом осмотрено, обследовано, записано и сфотографи-

ровано. Особенно заинтересовал прибор, выполненный из блестящего металла, он расширял выход младенца из утробы матери, облегчая и помогая таким образом природе. Эта железка казалась ей такой простой и вместе с тем такой необходимой, что невольно у Сары возникал вопрос: «как же до этого раньше то не додумались?»

Следующую половину дня провела в «Женском павильоне искусств», разглядывая дамские, главным образом, живописные работы. Украшения ее интересовали слабо, хотя некоторые, безусловно, – произведения искусства. Сара ненадолго застревала у какого-нибудь браслета, представляя его у себя на руке и даже просила примерить у служителя, что тот дозволял с большим удовольствием, ибо трудно отказать девушке, излучающей уверенность вкупе с сияющей красотой.

Уже после полудня прибыла в голландский павильон Оскара, где выставлены новейшие технические средства для земледелия. Брат беседовал с молодым человеком серьезной наружности, в черном сюртуке. Незнакомец внимательно слушал, иногда кивал, заглядывая в проспект, что держал в руке.

Сара чинно поздоровалась с обоими собеседниками, сдержанно улыбнулась им.

– Позвольте вам представить мою сестру Сару, —
отрекомендовал молодому человеку Оскар.

– Господин Эрнст Беккер, управляющий сельскохозяйственным кооперативом в Польше, точнее в восточной Пруссии.

– Именно в Польше, дорогой фон Люк, поскольку эта часть Пруссии теперь номинально принадлежит Российской империи, —

отозвался интересный господин в котелке.

Эрнст Беккер понравился Саре тотчас же: серые живые глаза, в которых чувствовалась жилка юмора, достоинство и манеры производили приятное впечатление.

– Сара, Эрнст мой однокашник, мы вместе учились на аграрном отделении. И вот видишь, он уже достиг определенных успехов! И даже покупает некоторые механизмы, которые мы привезли на выставку! Так что наша дружба с ним оказалась еще и выгодной!

Оскар улыбался, стараясь самым лучшим образом отрекомендовать своего приятеля, к которому и правда относился очень хорошо.

Господин Беккер улыбнулся так же широко:

– И в честь нашего знакомства я приглашаю вас обоих на обед, сейчас у тебя, кажется, обеденное время, Оскар?

– С удовольствием, Эрни, но в другой раз, как раз сейчас важная встреча, я не могу ее пропустить. Но вы оба с сестрой можете манкировать мной и отобедать вдвоем, если Сара не возражает!

– Сара не возражает!

Лучезарная улыбка девушки была лучшим подтверждением, что ей будет приятно побыть в обществе нового знакомого.

Они зашли в уютный, производящий впечатление не показной роскоши ресторан, располагавшийся недалеко от выставки. Эрнст помог ей снять летнюю накидку, с некоторым удовольствием отметив большие груди Сары — это первое, что бросилось ему в глаза. Впрочем, такие выпуклости всегда притягивают взгляды мужчин, Сара привыкла к этому. А даже и выставляла их чуть напоказ, когда было шаловливое настроение, когда хотелось внимания мужчин, а сейчас было именно такое состояние. Хотелось понравится этому слегка чопорному, нет не чопорному! Слишком серьезному, даже ответственному мужчине, а он слегка терялся и отводил глаза от ее бюста, стараясь выглядеть воспитанным. Но щеки его порозовели, глаза выглядели чуть смущенными, что было лучшим свидетельством: «Я ему понравилась...». Это она отметила с некоторым удовольствием.

Эрнст усилием воли пытался привести в порядок свое лицо, отчаянно делая его спокойным и улыбочивым, что ему в конце концов и удалось.

Отдельно отметил господин Беккеру то, что Сара неприхотлива в еде и выбирала блюда даже не задумываясь. Потом они гуляли по Генту, наслаждаясь воздухом, а он казался им вовсе не летним, а каким-то особенно весенним. Эрнст развлекал Сару рассказами из обычаев в восточной Пруссии, о своем деле, перемежал шутками.

Расставшись, они каждую неделю писали друг другу.

А через год, в университете Цюриха, в новом великолепном здании, выстроенном Карлом Мозером, состоялся тот долгожданный праздник: наконец-то выпускники медицинского отделения получили свидетельства о присвоении им докторской степени. Настроение профессуры и новоиспеченных докторов было радостным и приподнятым, академический год удался, альма-матер с гордостью выпускала в мир своих питомцев.

По старой университетской традиции первым вызывался тот, кто за все время обучения набрал наибольшее количество оценочных баллов и показал лучшие результаты экзаменационных испытаний.

Сара фон Люк вызывалась третьей.

Ее учитель, профессор Штайнер даже прослезился, глядя на свою любимицу, та продемонстрировала блестящие способности, внушавшие уверенность в таком же блестящем будущем, несказанно ею гордился.

Кроме прочего, Сара получила золотой медальон с выдавленным университетским гербом, где была выгравирована римская цифра III и 1914 – год университетского выпуска.

В числе приглашенных на церемонии присутствовал и серьезный молодой человек, которого Сара фон Люк представила профессору Штайнеру как Эрнста Беккера, управляющего кооперативным хозяйством в Польше.

Сразу после университетских формальностей, необходимых бумаг и прочих хлопот доктора медицины, молодые люди уехали в Париж.

Жизнь была прекрасна, она лежала перед Сарой и Эрнстом как начало волшебной сказки, как нежнейший пирог, как поток радости, который обязательно будет приносить только счастье, удовольствие и исполнение всех мечтаний.

Париж очарователен, несмотря на начавшуюся войну!

Бульвар Сен-Мишель уже украшен первыми листьями, в Люксембургском саду гуляют пары, семьи с детьми, светит ласковое солнце и лето опять кажется весной, влюбленные даже ощущали этот весенний запах.

Запах счастья.

Воскресный день, парижане что-то праздновали на Елисейских полях, впрочем, Париж умеет праздновать и искусство это возведено в вид национального достоинства. Бесчисленные лотки с товарами самыми разнообразными, вино со всей Франции, разливаемое здесь по самым доступным для всех от маркиза до клошара ценам, небольшие винные бочки менялись с быстро: народ жаждал удовольствий. Кроме прочего, со всех сторон заманивали аттракционы всевозможных увеселений, в центре красовалось сооружение, где главной, громадной изюминкой возвышался монгольфьер, шар, поднимающийся в воздух вместе с людьми. Шар не мог улететь, был крепко привязан тросами к земле, мог только подниматься ввысь над Парижем, чтобы шесть человек, посаженных кругом, лицами наружу, могли обозреть с высоты птичьего полета чудесный город. Монгольфьер управлялся человеком, сидящим в центре корзины и включавшим нужные сопла с горящим газом. Шар медленно кружился на приличной высоте вокруг собственной оси, поворачиваясь всеми красотами каждому туристу-воздухоплавателю, хорошо пристегнутому, тем не менее, во избежание ненужных случайностей.

Сара удивилась этому относительно новому аттракциону, ей сразу же захотелось увидеть Париж с высоты, Эйфелево строение все же пониже, подумала, что другого такого шанса у нее

уже не будет. Отстояли с Эрнстом довольно длинную очередь, и когда она подошла, оказалось, что есть только одно свободное место. Эрнст, конечно же, уступил место своей спутнице, сославшись на то, что он не только видел Париж с высоты, но даже и летал над ним на движущемся аппарате, уверял, что ему будет приятно подождать внизу, пока Сара развлекается.

Когда все шестеро воздухоплатателей пристегнулись, а в центр уселся усатый механик в кожаном шлеме, когда распорядитель полета, командовавший на земле, вытащил и махнул зеленым флажком из десятка воткнутых на его командорском пульте, шар стал медленно подниматься силою горячего нагретого воздуха из сопел газовой горелки. Воздушное судно уменьшалось по мере подъема, крики восторга шестерых наверху становились тише.

Эрнсту пришла в голову забавная мысль, он о чем-то поговорил с распорядителем полета, вытащил купюру из бумажника, вручил ее, а тот быстро вытащил два флажка: черный и красный, помахал ими механику в воздухе.

Сара слегка дрожала от такой высоты, будучи уверенной, что ничего плохого не может произойти из давно уже отработанного, столетней давности способа подъема в воздух.

Ее восторги прервал механик в центре корзины, подвешенной к шару, мрачным, трагическим голосом сообщив, что произошла поломка механизма спуска, и теперь никто не знает — сколько им придется висеть в воздухе, а возможно даже, что шар упадет на землю. Две дамы, сидящие рядом, истошно закричали, к ним быстро присоединилась и третья, мужчины, их сопровождавшие, выглядели тоже слегка растерянными, хотя и старались внушить своими лицами оптимизм. Невозмутимым оставался только капитан их корабля: увлеченно крутил какие-то вентили, дергал за рычаги, но шар остановился и никуда не двигался: ни вверх, ни вниз.

Сара стала пугаться, ей вдруг нестерпимо захотелось в туалет, казалось, ее мочевой пузырь не выдержит этого внутреннего давления! Сделала несколько глубоких вдохов, медленно выдыхала, этому ее научил профессор Штайнер, знакомый с восточными практиками управления собственным телом и духом. Испуг стал потихоньку уходить, а вместе с ним и то дикое желание, каковое следует, во избежание конфуза, сдерживать всеми силами.

Воздухоплавание ей уже не казалось таким увлекательным, а даже и лишним: «Вот зачем я залезла в эту посудину? Могла бы и обойтись без приключений, вечно суюсь в какие-то места, без которых вполне можно жить!»

Представила испуг Эрнста внизу, стало пронзительно себя жалко, если она разобьется...

«Жизнь только начинается, а меня уже не будет! Хорошо ему там, внизу! Интересно, будет ли он плакать, если я погибну?» все же возник откуда-то сбоку сознания любопытный вопрос.

На глазки навернулись предательские слезки: «Бросил меня! Одну! И теперь я в опасности!»

Но после десяти минут болтаний в воздухе, резких дерганий, от которых все обитатели корзины кричали, кроме механика-пилота, шар стал опускаться.

Механик даже улыбался, как показалось Саре. От этой улыбки пришло спокойствие, хотя она и не понимала, чему лыбится этот усатый дурак!

Внизу стояли зрители и аплодировали воздушным смельчакам. Эрнст стоял в толпе, так же улыбался и хлопал в ладоши. Наконец корзина коснулась земли, первыми из нее выскочили все четыре дамы и с выпученными глазами убежали куда-то к стоящим невдалеке шатрам с надписью «TOILETTE» Мужчины хоть и не были такими же торопливыми, но, улыбаясь через силу, направились туда же.

Наконец, умиротворенная и спокойная Сара спросила своего улыбчивого спутника:

– Чему ты смеешься?! Мы чуть не погибли!

– Чуть — не считается, Сара. Это было шоу, не было никакой поломки! Разве ты не поняла?

Эрнст все же умолчал, что виновником сариного приключения был он сам, сговорившись с командором внизу. На всякий случай умолчал, ибо девушка выглядела сильно расстроенной.

– Поняла! – буркнула Сара, но тут же засмеялась:

– Эрни! Ну, какая ты сволочь! Тебе правда было меня не жалко?!

Сара произносила это на смехе, конечно. Потом успокоилась, задумалась, сказала твердо:

– Хочу есть! Я голодна как львица!

– Душа моя, это легко исполнимо: сейчас мы зайдем в ресторан и я закажу тебе живого ягненка! Разорви его, съешь за все сегодняшние обиды и переживания!

– Сам ешь живого! – рассмеялась львица, – а мне, пожалуйста, хорошо прожаренного!

Причем, тут часть, которую я сама выберу!

– Тебе трудно возражать! – на смех отвечал Эрнст.

После обеда, а затем долгого, слегка утомительного хождения по Сене, после прогулки по Тюильри, вышедши на Вандомскую площадь, спустя совсем малое время, Сара и Эрнст оказались на rue de la Paix, на той самой, знаменитой улице ювелиров, куда устремлялись мечты многих гостей Франции, где от выставленных украшений даме вдруг перестает хватать парижского воздуха, если она роняет взгляд на какой-нибудь особенный предмет, от которого ее сердечко ёкает и куда-то сладко проваливается.

Именно на этой улице мужчины бывают восхитительно щедрыми, а дамы восхитительно счастливыми, именно там наступает тот самый момент, когда проверяются чувства, мечты, будущее.

Ах, любезные друзья, гоните прочь унылых и глупых резонеров, утверждающих, что браки совершаются на небесах! Любой парижский гаврош подымет их на смех, швырнув свое насмешливое «нет», и потом повторит его многократно! Потому как часто браки совершаются там, в манящем переливе красок, в сочетании черного бархата и буйного разнообразия золотых форм, вкусов, полета фантазии, щедро залитым завораживающим сверканием ограненных камней.

Вот в одной из этих лавок и оказались вдруг счастливые путешественники.

Надобно все же простить повествователю это «вдруг»: совсем не случайно они там оказались. Эрнст сознательно вел ее на эту улицу, в эту лавку, отзывы о которой слышал от многих ранее.

Схитрил слегка Эрнст Беккер!

Сара же мгновенно забыла о своей усталости, когда алмазное великолепие брызнуло на нее свои волшебные световые осколки.

Нет-нет, ее не интересовали очень дорогие вещи, с пугающим количеством каратов, указанных на ярлыках, напротив: глаз ее точно выхватывал вещицы небольшие, изящные, без излишеств и отягощений, где форма и смыслы были главным мотивом полета фантазии, где одна, небольшая и недорогая бусина или серьги из обыкновенного стекла могут пробудить целую гамму ощущений и восторгов.

Хотя это и не стопроцентный рецепт, но женщину бывает весьма просто проверить — хочет ли она замуж: надобно прогуляться с ней по ювелирному салону. И если ее будут живо интересовать обручальные кольца, можете смело делать свое робкое предположение о том, скажет ли она заветное «Да!» на ваш сумбурный вопрос, заданный плохо ворочающимся во вдруг пересохшем горле языком.

Сара смотрела на кольцо не отрываясь. Небольшой, но чистый бриллиант был удачно оправлен в несколько совсем крошечных, они все вместе сверкали и переливались живым, холодным огнем.

Прошло довольно времени. То есть, Эрнсту казалось что много, спутница его, кажется, о нем позабыла.

Любезный хозяин лавки тут же предложил примерить это кольцо, быстро и точно определив профессиональным глазом размер ее пальца.

Эрнст смотрел на возлюбленную, та же не отрывала взора от чудесного алмаза, замыкал этот треугольник взглядов ювелир, как можно незаметней разглядывающий Эрнста, оценивающий его платежеспособность.

Сара же вздохнула упоительной грустью:

– Ты не хочешь спросить: нравится ли мне это кольцо?

– Нет.

– Почему?

– Я и так знаю, что оно тебе нравится. Ты вот уже пару минут глаз с него не сводишь!

Голос Эрнста слегка дрожал, он старался сделать его спокойным. Сара же с сожалением и чуть виноватой улыбкой протянула кольцо хозяину, но ее спутник твердо сказал:

– Я его покупаю...

Сара в первое мгновение не поверила, прелестные глазки слегка вылупились, зрачки расширились, вздохнула полной грудью, да так и осталась в растерянности:

– Но Эрнст...

А тот уже достал бумажник и расплачивался с хозяином.

Заискрились переливы счастья в женских глазах, сравнимые разве что с теми самыми камушками чистой воды:

– Хитрюга! Обманщик! Ты специально завел меня сюда!

– Да!

только и мог ответить ее спутник.

– И хотя мой подарок ни к чему не обязывает, но я прошу вас, милостивая госпожа, стать моей женой.

Из счастливой обладательницы кольца вырвалось какое-то радостное и... простим это счастливой Саре, простоватое «Ы-ы-ы!», сопровождаемое резким жестом удивления, она, как показалось хозяину лавки, хотя и самую малость, но излишне сильно обняла дарителя, поцеловала нежно. Потом собралась, в глазах заискрились лучики, приняла театральную позу благороднейшей дамы из средних веков, обыкновенно изображаемых на старинных полотнах. Улыбнулась как Джоконда, сложила ладони на животе, гордо подняв голову, произнесла делано скучным тоном:

– Я подумаю над вашим предложением, мсье! Ответ вы получите...

Потом не выдержала своего актерства и переполнявшего буйства чувств, закричала, опять же, несколько излишне громко, по оценке того же ювелира:

– Прямо сейчас! Да!

Они уж было собрались к выходу, но предупредительный продавец поинтересовался у Эрнста скромно и внятно:

– Не желает ли любезный мсье подобрать себе какое-нибудь кольцо. Ну так, на всякий случай, вдруг пригодится?

Молодые люди расхохотались громко и счастливо, что было извинительно: не каждый день приходится покупать обручальные кольца.

– Да! Да!

Выбор мужского обручального кольца оказался совсем легкой задачей.

Эрнст улыбался, походил на растаявшее мороженое, впрочем, наверное, большинство мужчин в такой момент имеют одинаково глупый вид. Сара же смотрела на него, сейчас он нравился ей стократно больше, она уже представляла его отцом своих детей, ей перестало хватать воздуха, в животе запорхали бабочки и, останься они одни в ювелирной лавке, содрала бы с него одежду и оседлала первую попавшуюся стеклянную витрину.

Потом, в отеле задыхались друг от друга, не думая более ни о чем и ни о ком.

По приезду в маленький альпийский городок в Швейцарии, влюбленные тут же отыскивали магистрат и следующим утром мэр городка совершил гражданский акт бракосочетания, проговорив все приличествующие случаю слова, выдав все необходимые бумаги, присовокупив, тем не менее: не желают ли молодожены сходить в местную церковь и скрепить свой союз духовной, так сказать, небесной печатью. От какого предложения оба со смехом отказались, уверяя мэра, что им будет достаточно его подписи. И что хотя господин мэр Блинклер не похож на всевышнего, они с равным удовольствием будут почитать его земную печать небесной.

Наняв местного извозчика, еще два часа поднимались по извилистой дороге наверх, к девственной альпийской природе, где только коровы, козы и собаки, где люди добры и серьезны одновременно.

Сара и Эрнст телеграфировали заранее и хотя телеграмму доставили только на вторые сутки в этот одиноко стоящий, крепкий, каменный дом, к приезду молодоженов все было готово. Милое шале находилось в полукилометре от хозяйских строений и производило приятное впечатление.

Спальня убрана в стиле еще донаполеоновских времен, прекрасная ампирная мебель, кажется, полностью вывезена из Франции, зачем-то доставлена сюда, в предгорье Альп. Внутри шале пахло этим непередаваемым запахом, что бывает в старых музеях еще не тронутых новым временем, с тем антуражем, какой был при создании такого музея. К тому прибавлялся едва заметный запах хорошо пропаренной древесины, такой бывает в старых банях. Все производило впечатление основательности, чего-то очень настоящего. Впрочем, чисто и аккуратно.

Это был блаженный уголок, отгороженный от мира, а именно уединения сейчас искали Сара с Эрнстом.

Продукты и нужные предметы им приносил мальчишка — сын хозяина поместья, но молодожены не обращали особенного внимания на еду, они жаждали сейчас других занятий и удовольствий. Дни проходили в неге.

Сара всегда просыпалась рано и смотрела на спящего мужа как мать смотрит на своего ребенка, с нежностью.

И вот теперь, спустя пару месяцев ехали на Волгу, будучи формально сосланными, хотя нельзя было назвать это ссылкой в полном смысле, у них не было конвоя, никто не запретил бы им выйти из вагона и убежать, уехать совсем в другую сторону. Правда, без паспортов: русские жандармы их отобрали и выдали взамен какие-то временные бумажки.

Сара все же сомневалась: ехать ли? Но разве может быть причиной расставания с любимым какая-то война? Разве дойдет она до саратовской глуши, до бескрайней степи? Разве продлится она долго? Да и война ли это? А возможно, очень даже и не война, а дурацкий розыгрыш!

Какие войны могут быть в начале двадцатого века, когда все серьезные конфликты уже закончились, а остались одни только недоразумения перед всеобщей свободой и счастьем?

Но если не ехать сейчас, то потом будут большие проблемы с профессией, с карьерой, с будущим в Польше: русские чиновники не дадут работать ни Эрнсту, ни Саре, а им так нужна была возможность творить там, где это сулило наилучшие перспективы, какие только можно представить.

Реализовать профессиональные мечты, а их у обоих было во множестве, и все проекты эти амбициозны и смелы!

Для женщины-медика это вообще профессиональный рай, читала в швейцарских газетах, что в последнее время в глубинке России стали появляться медицина и образование. Самые активные врачи и учителя империи, подвижники, выпускники университетов ехали в дикие и необустроенные области, где не было ничего и самоотверженно, как миссионеры несли новую веру, новую конфессию человечества — науку. И вытекающие из научных исследований технологии, производства.

Это был новый бог, новый европейский кумир, казалось, что пройдет совсем мало времени и к людям уже не вернутся голод, войны, эпидемии.

Медицина была частью этой новой цивилизации, очень важной частью в будущем радостном и мирном человеческом сообществе, построенном по принципу свободы мира, самовыражения и изобилия.

Это была вера в логику, здравый смысл и уверенность в собственных силах. Имя этому богу было — Научное Созидание.

Старая монархическая Европа обречена под напором новых открытий в философии и естествознании, о них ранее даже не мечталось. Развитие общественной мысли, технологии, науки требовали переосмысления и устройства социума на новых, справедливых началах, исключая всякие империи — старый монархизм был приговорен как тормоз общественных отношений.

Это понимали Сара с Эрнстом.

В долгих беседах обсуждали будущее Европы, Эрнст выглядел убежденным сторонником свободы, в том числе женской, Сара чувствовала это и любила его приверженность к раскрепощенности, к свободе вообще, свободе в либеральном смысле.

Для Эрнста Восток был тем местом, где можно осуществить свои планы по обустройству сельского хозяйства: он уже видел в мечтах поля, производства и продукты, выращенные там. Буйные просторы России делали эти мечты волнующими и осуществимыми: не было ни одного серьезного резона, могущего помешать этим планам.

Разве не ясно, что проблему пшеницы, постоянно возникающей в Европе и Америке, можно решить и решить легко?

Для Эрнста это очевидно.

Разве не лежит на поверхности простенькая мысль, что всю продукцию, производимую на земле, надо там же, на месте, по возможности перерабатывать в приемлемый продукт и отдавать рынку хотя бы... почти готовым? Изобретение холодильника решало, пожалуй, самую серьезную проблему человечества: сохранение еды, ее консервацию.

К изобилию все готово. Осталось только сделать это.

Кроме того, для молодоженов это еще и увлекательное приключение: пожить в том волнующем мире, где сливается Восток и Запад, образуя Русь. Где до сих пор лечат шаманством и заговорами. Где о медицине слышали только то, что она где-то есть.

Путешествия вообще приятная штука, особенно в воображении. В детстве оба запоем читали приключенческие книги о Востоке. И вот сейчас восток сам приближался к ним, Волга была средоточием волнующего и загадочного.

После полудня молодожены прибыли, наконец, в Саратов, оставив вещи в камере хранения, отправились напрямиком к жандармскому начальнику, ведавшему приемом немецких переселенцев из западных областей империи.

Все было непонятно и слегка дико для новоприбывших, некоторые обычаи удивляли и забавляли, некоторые огорчали.

Например, необязательность чиновников.

Двери жандармерии закрыты и никто не отвечал на стук или звонки медного колокольчика. Пока наконец кто-то из прохожих не посоветовал им прийти завтра, с утра, к десяти часам, потому как после полудня приходить сюда бессмысленно.

Устроились в местном отеле, называемом гостиницей. Номер пылен, в нем давно уже не убирали, вероятно, постояльцы не баловали отель своим вниманием. Цены же вполне европейские, но отелей было только три в округе, этот ближайший и производил впечатление солидности своею архитектурой, напоминавшей Баден-Баден. Вероятно, хозяин здешнего заведения бывал в этом бойком южно-германском городке и даже скрупулезно воссоздал один из доходных домов.

Потом гуляли по оживленному центру. Несмотря на то, что империя воевала, дамы жеманничали с кавалерами, впрочем, как везде и всегда. Дети играли, носились друг за другом, смеясь, громко вскрикивая, щеки торговок цветами напмажены какой-то красной краскою, вероятно, для привлечения внимания покупателей.

Восточный этот город показался Саре слегка вычурным, чуть напоказ, чересчур.

Пообедали в трактире, заманившим их таки запахами чего-то вкусного, там подали русские блюда, оказавшиеся очень съедобными, хотя супруги поначалу недоверчиво ковырялись в яствах.

Наутро следующего дня, придя к десяти часам, путешественники обнаружили, что в жандармском управлении двери так же, как и накануне закрыты. Сара и Эрнст еще с полчаса стояли у входа, ожидая, что на них обратят хоть какое-то внимание.

Изредка Эрнст звонил в колокольчик. Наконец кто-то отворил изнутри, их впустили. Равнодушный мужчина в мундире служащего, но с лицом лакея так же безучастно осведомился, что им угодно. Посмотрев мельком их бумаги, сонным голосом просил немного обождать.

Обождать пришлось около двух часов, пока не прибыл здешний жандармский начальник, вероятно, весьма недовольный внезапными посетителями, отчего разговаривал коротко, неохотно, междометиями, глядя куда-то в сторону.

Когда жандарм все же поднял на посетителей взор, Эрнст понял причину его блуждающего взгляда: глаза у него были красные. А мешки под этими глазами оставляли мало вариантов для предположений: отчего чиновник столь же недоволен, сколь и нерасторопен.

Вероятней всего, убедиться него болела голова. И болела порядочно. И происхождение этой боли было весьма известным.

– Да ведь эшелон из Польши ожидается на будущей неделе! Нешто вы своим ходом прибыли?

– Да, своим. Мы вчера приехали.

Дабы не задерживать делопроизводство, семье Беккер было предложено место жительства – немецкая колония Аннендорф, что находилась от Саратова в пятидесяти километрах или верстах как тут именовали расстояния. Предложение супруги приняли, Эрнст сопровождал его сухой благодарностью. Получив свои паспорта, наняли извозчика и отбыли на новое место.

1924

Сара очень быстро заговорила по-русски, особенно по первости прочла много русских книг, некоторые ей показались восхитительными. Вначале плохо понятный язык постепенно стал доставлять удовольствие, упивалась Толстым и Достоевским, находя в них что-то совсем иное, отличное от европейской литературы. Хотя некоторые места вызвали недоумение: читая «Анну Каренину», Сара холодным глазом врача отмечала такие казалось бы мелочи, как все более учащающийся героиней прием опиума. Это вызывало много профессиональных вопросов и к концу романа у читательницы сложилось стойкое убеждение, что история вовсе не о любви Анны к Вронскому. О чем-то другом: презрение Толстого к Карениной сквозило между строк во всем, как бы автор этого не скрывал.

В бытность свою на учебе в Швейцарии, стараясь не пропускать ни одной лекции, Сара восхищалась блестящим профессором цюрихского университета Ойгеном Блейлером, а он, собственно, и ввел в мировую психиатрию термин «шизофрения». И сейчас бывшая студентка с изумлением читала у Толстого течение болезни героини, будто автор присутствовал на тех же лекциях, а потом описал это у Карениной, настолько схожим был анамнез. Впрочем, скорее, могло быть наоборот: это Блейлер прочел «Анну Каренину», роман написан раньше, гораздо раньше.

Но все же скучать доктору не приходилось, свалилось столько работы, что иногда хотелось, чтобы ее было поменьше. Настоящий клиницист учится в процессе лечения, именно там обретает практику, подкрепляя полученной теорией, пытается получить новые знания: чем больше пациентов, тем больше опыт. Жители местной округи, прослышав о враче из Европы, о том, как помогала роженицам, волнами накатывали на ее больницу, а та была, конечно же, неспособна принять столько больных, приходилось брать самых тяжелых, у кого был шанс. Появилось откуда-то чудом взявшееся оборудование для лечения зубов, с креслом, с инструментами, сделали в ее деревенской больничке кабинет дантиста, да только работать там было некому. Приходилось доктору постигать новую стезю: удалять зубы, до лечения она, правда, еще не доходила. Крепко пригодилась литература о лечении зубов, зачем-то привезенная сюда из Европы. И теперь стало понятно – зачем.

Везли детей отовсюду, откуда только можно, слава распространяется быстро. Приезжали на лошадях за сто верст, прослышав о докторе Саре и ее золотых руках. Одна беда: общине приходилось содержать больницу на свои средства, налоги, собираемые советской властью тратились на что-то другое. Управа несколько раз обращалась в Саратов с просьбами о помощи, но те оставались без ответа: зачем тратить деньги на то, что и так работает?

Потом писать перестали: не было смысла. Пришлось ввести сборы с каждого двора Аннендорф и с каждого, кто обращался. Совсем уж бедным помогали бесплатно. Больничная аптека почти всегда пуста, лекарства быстро раскупались, только непонятно откуда их брать в таких непростых условиях. Поездки мужа в Саратов спасали больницу, Эрнст привозил скудные медикаменты. Жители колонии Аннендорф, оплачивая свою деревенскую медицину, не желали платить в пользу тех, кто не участвует в ее содержании. Была, была тут большая головная боль: не помочь нельзя, это противоречит врачебной этике, но как помочь, если пациенты, главным образом, из окрестных русских деревень, норовили заплатить за лечение вовсе не деньгами, а яйцами, курами, кусочком сала, мешком овса?

– Куда мне столько яиц и овса? Что я с этим буду делать?

со смехом говорила Эрнсту, он забирал эти «приносы натурой» в свой кооператив, хотя потом и компенсировал сколько мог деньгами для больницы.

За себя прижимистые немцы Аннендорф платили честно и сполна, но только за себя, оплачивать содержание пришлых ни в какую не хотели. Именно это огорчало Сару — нежелание помогать близким в их беде

Впрочем, соседи не сильно баловали помощью и немецких колонистов, норовя потравить посевы своими стадами, часто делая это вовсе не потому, что негде пасти скот, а из зависти: «слишком хорошо вы живете немчики, не худо бы вас подровнять».

Как-то раз наведалась из дальнего русского села худая старуха лет восьмидесяти, с длинными, плохо вымытыми седыми космами, убранными сзади в подобие жгута.

Сара только что закончила обход и писала в карточке роженицы.

Разумеется, спросила что у нее болит, но старуха не ответила, а только продолжала пристально глядеть в упор на молодую женщину в белом халате, что-то жуя при этом.

Потом улыбнулась... не то чтобы зловеще, но и не по-доброму. Сара успела заметить: у старухи целы зубы, что в таком возрасте признак крепкой человеческой породы.

– Дай-ка мне твою руку, – неожиданно низким голосом попросила гостя.

Просьба была странной, но Сара все же протянула ладонь. Старуха схватила докторские пальцы не так как это делают гадалки, глубокомысленно разглядывающие линии внутри ладони, а тыльной стороной, рассматривая и прощупывая пальцы, суставы пальцев, кости у запястья. Не поднимая глаз спросила:

– Говорят, ты на доктора училась?

– Да.

Старуха резко отбросила руку:

– У тебя тут мальчик, у него на ноге рожа.

– Да, – несколько удивленно подняла брови доктор,

– Это ваш внук?

– Нет. Он мне не внук. Он мне никто. Веди меня к нему.

Два дня назад к Саре в больницу, из соседней русской деревни и вправду привезли семилетнего мальчика с очень запущенным рожистым воспалением: оно опоясало правое колено и выглядело настолько агрессивным, что очень быстро увеличилось, даже за эти два дня пребывания под врачебным присмотром. Впрочем, первые уколы принесли ребенку некоторое облегчение, но потом болезнь стала быстро прогрессировать. Мази, что накладывала доктор на пораженный участок не помогали ничуть, юного пациента привезли уже с начинавшимся некрозом тканей, будущее его казалось плачевным, постоянный жар не оставлял надежд. Противовоспалительные порошки, бывшие у нее в наличии, также помогали скверно: лечение начато слишком поздно. Сара понимала, скорее всего, ребенку суждено умереть, причем в ближайшие пару-тройку дней: стептококковая инфекция долго не раздумывает.

Когда вошли в палату, лежащее на кровати тельце было накрыто двумя теплыми одеялами, дрожало. Старуха уселась на стул рядом с маленьким пациентом, ласково попросила:

– Давай, золотой, покажи мне свою ножку...

Испорченными артритом длинными пальцами взяла колено и внимательно осмотрела.

– Закрой глазки...

Мальчик послушно сомкнул веки. Голос старухи отдавал в хрипотцу, хотя его обладательница и старалась смягчить интонационно.

Гостя трижды проделала одно и то же: над воспаленным коленом, правой своей ладонью водила в воздухе кругами, будто закручивала какую-то невидимую спираль, шептала при этом что-то, а после каждого шептания три раза дула на пораженную кожу.

– Я через день приду к тебе, еще раз.

Кряхтя, встала еле-еле со стула, посмотрела пристально на докторшу, сдерживающую улыбку, явно хотела что-то сказать, но передумала, нахмурившись, не говоря более ни слова, не попрощавшись, вышла из больницы.

Было в этом старухином визите что-то идиотское, не поддающееся логике, медицине, всему, чему учили в университете. Но состояние юного пациента безнадежно, вряд ли старухины пассы могли чем-то навредить, потому Сара и отнеслась довольно безучастно: мальчик все равно был приговорен.

На следующем утреннем обходе фрау доктор осмотрела юного больного и была слегка удивлена: проявилось небольшая ремиссия, воспаление выглядело чуть меньше. Разумеется, она никак не могла связать это со вчерашней визитершей: не принимать же всерьез эти дикие причуды дикого общества...

«Вероятно, включились внутренние силы организма.»

Как и обещала, появилась странная старуха через день.

– Здравствуй, Сара!

Безмолвно прошли к мальчику, он уже не дрожал, с любопытством разглядывал двух женщин: старую, страшную, похожую на бабу-ягу и другую в белом халате, молодую, крепкую и красивую.

– Ну, как твоя нога, богатырь?

Старуха улыбалась своей пронзительной и оттого немного хищной улыбкой, длинный ее висловатый нос смотрелся как клюв коршуна.

Но страха у юного пациента перед старой ведьмой не было, с готовностью показал колено.

Старуха так же, как и в прошлый раз, трижды повторила шептания, дула на пораженную ногу.

– Сейчас поспи, мой хороший.

Баба-яга как можно ласковей говорила мальчику, погладила его по плечу, а тот как-то сразу и заснул.

– Пойдем Сара.

Это было странно: старуха обращалась с шефинею местной больницы как начальница, слегка повелительно, но самолюбие главного и единственного врача заведения ничуть тому не противилось.

Вышли на улицу. В отдалении стояла телега, на ней сидел знакомый крестьянин из Аннендорф, учтиво поздоровался с докторшей.

– Вот что я тебе скажу, дорогая моя, – негромко начала косматая собеседница

– Мне уже скоро будет пора уходить... Совсем уходить.

Старуха показала пальцем в землю.

– Но пока я не передам... это... меня отсюда не отпустят. У тебя есть всё, чтобы принять дар. Хочу тебе сказать все же, что это тяжелый подарок, не столько дар, сколько воз. И ты как лошадь, до самой смерти будешь тянуть его. Но он всегда может тебя прокормить. И защитить. До тех пор, пока ты владеешь им, тебя будут хранить.

Старуха говорила медленно, ее язык почему-то сильно отличался от крестьянского, к которому Сара привыкла уже в своих пациентах:

– Я хочу передать тебе способность лечить людей не так, как ты привыкла. У тебя есть для этого всё. К тому же ты врач, хотя твой диплом тут не имеет значения. Но если будешь владеть не только своим, медицинским знанием, но и этим, то тебе не будет цены. Я долго искала тебя.

Сара сперва растерянно заулыбалась, потом ее разобрал смех:

– Это шутка?

Старуха же была сама серьезность, смотрела внимательно, пристально, и как-то очень весомо, но слегка огорченно в глаза молодой докторши:

– Я послезавтра приеду.

Уже на следующий день стало ясно, что мальчик резко пошел на поправку, язвы стали засыхать, а воспаление внушать оптимизм. Но вряд ли это была старухина заслуга:

«Не могу же я, выпускница лучшего медицинского факультета Европы верить в шептания, в дурацкую магию! Это бред какой-то! Чепуха! Это вполне может быть объяснено научно.»

Но тут внезапно в ее внутренний монолог вторгся какой-то чужой, странный, противный голос сознания, насмешливо спросивший:

«А чего ж ты не вылечила ребенка до старухиноного прихода? Ты же видела, что у мальчика рецидив с быстрой динамикой? И все твои лекарства бессильны?»

Растерянный дипломированный доктор пыталась парировать этому голосу:

«Но есть вещи, которые не могут быть объяснены, просто в силу недостатка информации!»

Насмешливый гость в ее сознании не унимался, иронизировал еще развязней:

«А почему ты считаешь, что метод старухи не может быть именно той информацией, которой ты не обладаешь? Возможно, что и лечение русской ведьмы объяснимо научно, просто ты, в силу своего невежества этого не понимаешь!»

Этот гнусный голос, нет, не голос, какая-то голосо-мысль, казалось, издевалась над доктором, но формально логика была безупречна.

Докторша раздраженно подумала: «Кто ты такой, черт возьми? И почему ты лезешь в мое сознание?»

Но голос только усмехнулся и более не приходил.

Это нечто новое: чужие, наглые мысли в сознании.

Очень возможно, Сара и вправду чего-то не понимала или знала однобоко, только со своей, доступной ее разуму и опыту точки бытия.

Нет, разумеется, надо сомневаться во всем, как советовал ее кумир Декарт, сомнение стало ее второй натурой, даже в вещах простых часто одергивала себя, если это принимало комические формы.

Но тут ситуация, когда полученные знания опровергались всем, что видела собственными глазами, но никак не могло быть объяснено рассудочно.

Можно, конечно, прикинуться дурочкой и тупо твердить о совпадении, только внезапное исцеление мальчика вопреки прогнозам всех умных книжек и медицинских справочников холодно и ясно констатировало факт. А с фактом спорить бесполезно, а даже и глупо.

Разумеется, Сара слышала о таких случаях на лекциях в Цюрихе, большинство профессоров над этим смеялось, говоря будущим врачам, что настоящий доктор пользуется только логическими категориями и не верит в бабкины сказки, заговоры и прочую ненаучную чушь. Лишь только один профессор Штайнер, ее академический руководитель, не смеялся никогда. Он, справедливости ради, и не утверждал обратного, уходя от темы, а только призывал учиться у всего, что врач видит и ощущает, каким бы парадоксальным или невероятным ему это ни казалось:

– Человек слишком мало знает, чтобы считать себя царем природы, парадоксальное – всего лишь не понятая ортодоксальность.

Сейчас Сара с теплотой вспомнила своего учителя и даже представила его назидательно поднятый указательный палец:

– Учись, Сара. Учись всю жизнь, учись у всего, что может принести тебе знание. Познание часто бывает неожиданным, приходит внезапно, иногда из мусора, иногда во сне, но оттого не становится менее ценным. Возможно, именно там, в куче дерьма лежит алмаз. Ищи его, даже если твои поиски будут казаться бесполезными и глупыми, даже когда будет противно. А главное – доверяй себе!

Трудным было это решение. «Полезно любое знание, даже фальшивое, ибо как еще можно отличить настоящее от ложного? Только путем сравнения. Если я попробую и у меня

не получится, значит ли это, что старая ведьма — мошенница? Нет... пожалуй нет, скорее я чего то не знаю и не умею.»

Сидела за завтраком над нетронутой тарелкой, рассеяно смотрела куда-то в угол. Эрнст спросил с улыбкой:

– Что-то случилось? Ты уже который день сама не своя. Надеюсь, у меня нет соперника? Муж шутливо пытался ободрить жену. Саре пришлось рассказать о своей проблеме.

– Разве ты что-то теряешь?

– Эрни, а как быть с самоуважением? Как ты представляешь меня в роли шарлатанки? Черт возьми! Что за... задачки подкидывает судьба...

– Думаю, самоуважение тут ни при чем. Делай так, как подсказывает тебе чутье. Твое женское чутье.

Наконец, в третий раз старуха приехала, на той же телеге что и прежде, с тем же возницей. Теперь уже Сара с нетерпением ждала ее, встретила у входа. Старуха внимательно посмотрела на улыбающуюся докторшу:

– А ты умнее, чем я думала! Вижу, ты приняла решение?

– Да...

Сара на выдохе произнесла это слово, ноги сделались слегка ватными, подкосились, голова закружилась, но быстро с собой справилась.

Старуха проделала те же самые пассы, что и прежде, сопровождая шептаниями у ноги мальчика, повернулась к Саре:

– Всегда делай это не менее трех раз. Даже если видишь, что двух раз довольно. Три раза – это важно и не спрашивай, почему. Я и сама не знаю.

Они расположились в кабинете, доктор отпустила домой девушку, помогавшую в больнице в качестве медсестры.

– Пиши... Все, что я тебе скажу, ты должна выучить наизусть.

Старуха более часа диктовала быстро записывающей «ученице» тексты заговоров. Каждая такая «молитва» соответствовала какой-то болезни или дисфункции. Некоторые были смешными, если не сказать глупыми: «от головной боли,» например. Или «от живота».

Словом, Сара писала и не верила себе самой! Но приходилось верить.

– А теперь самое главное... Запомни Сара: то, что заговариваешь – не безобидно. Ты берешь на себя болезнь, пропускаешь сквозь себя же, а потом выплескиваешь прочь. У каждого это бывает по разному, как будет у тебя, я не знаю – поймешь сама. Перед заговором, если можешь, с утра ничего не ешь, это будет легче переносить. Также нельзя заговаривать в месячные. И никогда! Слышишь? Никогда не делай это, если ты немного выпила вина или пива. Иначе ты себя погубишь.

Последнее было лишним, Сара почти не употребляла алкоголь.

Перед уходом старая ведьма обняла докторицу, внимательно, как бы запоминая, смотрела в глаза:

– И еще одно. Никогда не отказывайся от благодарности, любой благодарности тех, кого ты лечишь. Даже если тебе это не нужно — выбросишь потом. Отдашь кому-то...

Старуха подняла палец:

– Но никогда ничего не проси! Сами дадут, если хотят, это же их здоровье. Ты только посредник между даром и людьми. Остальное поймешь сама. Я скоро умру, но то, что тебе передала не может исчезнуть, если захочешь помереть, ты должна тоже передать это кому-то. Потом. Иначе долго будешь мучаться на этом свете... как я...

Последние слова старухи снова посеяли в сознании доктора медицины насмешку: «Глупо это все... и я дура, что дала себя вовлечь».

Сара пока что не понимала того, что приняла в свою жизнь, в свою душу, в свою сущность. Старая же ведьма с нежностью смотрела на докторшу, казалось, взгляд одухотворен, глаза внезапно увлажнились, но отчего-то старуха резко развернулась и поковыляла к повозке.

Возможность проверить свою новую стезю представилась очень быстро. Уже на следующее утро пришла молодая пара, новорожденный, двухмесячный ребенок их кричал не переставая вот уже вторые сутки подряд. Сара внимательно обследовала крошечного пациента, долго прослушивала стетоскопом, осторожно щупала животик, проверяла реакции других органов, но причины так и не обнаружила.

Давать младенцу успокоительное было опасно до тех пор, пока не будет ясного диагноза. Собственно, в этой ситуации ей ничего и не оставалось, как применить старухин метод.

– Подождите меня немного...

Из приемного доктор зашла в свой кабинет, быстро прочла пару раз нужный текст. Память отменна, слова запоминаются как песня...

На глазах ошеломленных родителей, никак не ожидавших такого, дипломированный доктор медицины трижды прошептала заговор, делая круговые движения ладонью и так же как старуха трижды дула на ребенка. Сара была взволнована, руки слегка подрагивали, ибо труден первый шаг.

Результат же превзошел ожидания: не прошло и двух минут, как детеныш заснул.

Сказать, что молодые родители были изумлены – не сказать ничего. Папа стоял с открытым ртом и хватал воздух. Мама плакала. Потом счастливые родители ушли.

Часы пробили одиннадцать, а Сара сидела на стуле, в своем кабинете, чувствуя страшную усталость, будто провела сутки на ногах. Внезапно в желудке что-то забурчало, творилось неладное. Пронизали рези, какие-то газы рвались наружу и вдруг они вышли. Эти газы не могли ниоткуда взяться, этого просто не могло быть!

Но это было. Через широко открытый рот, в пароксизме изрыгала из себя воздух, похожий на тигриное рычание, низкое и глухое.

Стали явственны старухины предупреждения, что надо пропустить через себя чью-то болезнь и выбросить прочь.

А старуха умерла в тот же день. Примерно в это же время, что двумя днями позже повествовал возница. Бубнил что-то про бессмертие дара, передавая последние слова старой ведьмы.

Более всего Сару испугало слово «бессмертие».

1933

Стало понятно вполне, что никакие уговоры на крестьян российских не действуют. Немецкие колонисты так же с усмешкою отказывались вступать в колхозы, отдавать свою живность, свои механизмы, инструменты, десятками лет заботливо собираемые, свою собственность и строения, продолжая обычную жизнь. И тогда советская власть перешла к решительным действиям.

Год выдался снова неурожайный, а поскольку никаких методов у советской власти кроме «отнять» не было, то действие это и произвели со всем пролетарским рвением.

У большевиков уже не оставалось вариантов, кроме насилия. Необходимо всем, всей стране показать, что неприятие сталинской модели обобществленной экономики означает только смерть, крестьянам не оставили выбора: либо ты вступаешь в колхоз, либо умрешь.

«Железным кулаком загоним человечество в счастье».

Сара с Эрнстом давно уже хотели уехать из страны победившего пролетариата, но всегда что-то мешало: в гражданскую войну было невозможно передвигаться на дальние расстояния, грабили и убивали всех и вся, понятно только одно: сиди на месте, может быть и уцелеешь.

Потом пришло послабление для крестьян, всем казалось, что самое плохое позади и сейчас будет только хорошее. Такое часто бывает с людьми: после того, как обезумевшая смерть отступает, выкосив на войне людей, принеся страдания, трагедии, слезы, обществу кажется, что наступило счастье. Что можно трудиться на земле, пользоваться результатами своего труда, растить детей, радоваться простым вещам и считать это милостью божьей.

Казалось бы: до войны всё то же самое, но это не воспринималось как высшее благо.

Вот только была только одна серьезная проблема в этой обманчивой свободе и наслаждении жизнью: границы были закрыты.

Когда же Сталин решил создать колхозы, стало совсем поздно. Разумеется, сейчас уже ни о каком бегстве из страны не могло быть и речи: кордон окружен плотным кольцом пограничных застав, пересечь границу тайными тропами практически невозможно. Всех жителей, кто обитал в приграничных областях к западу от Москвы, обязали под страхом всяческих кар, вплоть до смертельных, сообщать о подозрительных чужаках, шастающих в округе. Одновременно, за информацию такого рода ОГПУ поощряло жителей приграничных сел деньгами, продуктами, отдавали пустующие дома тем бездомным, кто изъявлял желание помогать органам. Многие отцы даже снаряжали своих шустрых мальчишек следить за проселочными дорогами, тропами, и сразу же сообщать, если заметят что-то подозрительное: на этом можно в то время неплохо прожить, ибо вознаграждение за информацию о бегунах давали весомое. Около пограничных застав тех лет стали популярны голубятни, любимое занятие местных пацанов. Но хобби, поощряемое властями, имело вполне практическое значение: голуби – дешевое и быстрое средство связи, если надо что-то сообщить, мальчишка, наблюдающий за тропинкой, отпускал птицу, с привязанным к лапе номером, когда кто-то из незнакомцев, хотя бы за несколько километров двигался в сторону границы. И тогда пограничники знали – где ловить нарушителя.

Советская власть быстро смекнула, что дешевле создать сеть стукачей, которые в голодной, разоренной стране не за дорого будут помогать пограничной службе. Официально же за несанкционированный переход границы в ту пору грозила смертная казнь, это называлось государственной изменой. Угроза расстрела – главный мотив, если кто-то собрался в бега. Если расстреляют, то все равно где. Свобода или смерть. Многие, из тех, кому грозила смерть, пытались обрести свободу, чаще всего с трагическим результатом.

Контрабандистов и промышленявших тайным переводом людей за кордон таким действенным стукаческим способом быстро вылавливали на «живца» – переодетого сотрудника ОГПУ

и, не раздумывая особо, без суда и следствия расстреливали. Оформляли как нарушителей границы, против которых было применено оружие – любой нарушитель в те времена мог быть застрелен в «особой зоне», перед кордоном. Чуть позже это явление было даже «творчески» расширено, стало на некоторое время практически безразмерным: частенько сотрудники ОГПУ, а потом НКВД привозили к границе тех, от кого было нельзя избавиться «законным» порядком, да и заморачиваться было недосуг, расстреливали их прямо на границе, составляли протокол о неизвестных нарушителях, начальник заставы подписывал и как бы «передавал» их тела гостям-чекистам, быстро и без хлопот закрывая дело. Впрочем, после 1934 года уже не требовались такие мудреные способы внесудебных казней и к тридцать седьмому году ситуация предельно упростилась: не надо было изображать «пролетарскую законность».

На Волге все, кто жил в это время в сельской местности, могли покинуть ее, только если едут в город, на заводы, по планам индустриализации.

Но Эрнст сидел в тюрьме, Сара должна была его дожидаться: пытаться устроиться на работу с плохой анкетой практически невозможным. Да и вызвало бы это только неприятности: принадлежность к дворянам, да еще немецким, означало в лучшем случае лагерь по надуманному обвинению. Хотя, скорее всего, быструю смерть.

План ее представлялся простым: уехать на завод, в одну из западных областей страны и оттуда попытаться переправиться через кордон.

Домой.

Потому сидела и терпеливо ждала мужа.

И дождалась. Тридцать третьего года.

Когда советская власть, не желая ждать проявления добровольности неосознательных крестьян Поволжья, решила устроить стране показательную порку.

Это происходило не только в Поволжье, но и на Украине, в южной Сибири, на Дону, везде, где были хорошие условия для крестьянской жизни. Надо наглядно показать этим глупым, неосознательным мелкобуржуазным недобиткам дорогу в их светлое будущее.

На Русь вернулось крепостное право, отмененное менее века назад. Вернулось в худшем виде, чем было к моменту реформы Александра Освободителя.

Трагедия в истории не всегда повторяется как фарс, часто она возвращается в виде еще большего горя.

Никогда в истории России свое население не уничтожали специально, ради самого уничтожения. Безумный Петр Первый не думал сколько крестьян ему надо кинуть в топку войны, но даже у него не возникало мысли убивать свой народ ради убиения.

Для решения этой показательной задачи отдельные сельские регионы страны были окружены войсками, у жителей насильно отняты и вывезены все продукты, пшеница, рожь, домашний скот. Входы и выходы, дороги, тропинки были блокированы солдатами ОГПУ. Официально же объявили, что некоторые районы Поволжья, Украины, Дона охвачены эпидемиями тифа, холеры, а значит, входы и выходы из районов эпидемий подлежат безусловной блокаде. Разумеется, никаких эпидемий не существовало и в помине, это только предлог.

В первую очередь выбирались те местности, где можно отрезать выход естественными преградами, реками, а в нужных местах разместить воинские части. Солдаты без всяких разговоров открывали огонь при попытке приближения кого-либо со стороны приговоренных к смерти жителей. Красноармейцев, простых неграмотных крестьян проинструктировали, что если со стороны деревни будут приближаться носители смерти, и если солдаты их не убьют, то самих солдат убьет эпидемия.

Потому неграмотные красноармейцы не думали. Стреляли как только видели полуживую человеческую фигуру, приближающуюся к ним.

Деревни, окруженные таким способом, обречены на умирание, это был искусственно созданный голод.

Вот в таком-то районе, которому советская власть предписала тотальную смерть, и оказалась Сара.

Аннендорф окружили красноармейцы, пришли ночью. Под утро у каждого дома стоял солдат с оружием и не выпускал никого за ворота.

Здоровяк Альфред Шуппе легко отстранил худенького красноармейца, перегородившего ему выход, но тот щелкнул затвором винтовки, выстрелил Альфреду в спину, прямо в сердце.

Альфред, незлобивый, всегда улыбочивый Альфред, никому и никогда в жизни не сделавший зла, лежал в луже крови. Дергались в конвульсиях ноги и руки. Тот самый Альфред, которого никто не мог победить: он был знатный и опытный борец на праздничных состязаниях в Аннендорф. Когда требовалось выставить кого-то от их общины для перетягивания пальцев, старинной немецкой мужской забавы, звали Альфреда.

Существовало такое в старые времена колонистов: двое мужчин хватали друг друга за согнутый крючком средний палец руки, упирались ступнями ног и тянули изо всех сил. Побеждал тот, чей палец остался неразогнутым. Альфи был непобедим, а для смеха брал по два пальца соперника, а своим одним, могучим средним разгибал.

Альфред работал на мельнице, а поскольку там мололи муку одновременно три пары жерновов, то и приезжали на мельницу в Аннендорф, бывало, по три деревни сразу.

Сохранялась тогда еще традиция в этих местах: на мельничный помол стекались крестьяне со всей округи, хвастались силой своих односельчан, выбирая самого крупного и сильного, а уж он должен был занести мешки наверх, по узкой лестнице и засыпать в тюрик, большой деревянный ковш для зерна.

Силачи брали по одному или по два больших мешка, тащили наверх, перед тем взвесив их на массивных мельничных весах. Это была непростая задача, кроме силы крестьянин должен обладать и ловкостью.

Побеждала та деревня, чей силач занес по мельничной лестнице в тюрик самый тяжелый груз. После этих мужских развлечений проигравшие должны угощать победителей.

Но с Альфредом Шуппе никто из приезжих и не собирался тягаться, знали, что без толку: он легко брал под руки по мешку, третий ему грузили на плечи, да для смеха сажали мальчишку сверху.

Он оставался непобедим.

А теперь лежал на мощеных камнях у своего дома, застреленный в спину юным прыщавым красноармейцем в будёновке. Услышав выстрел, из дома выбежала его жена Лидия. Задыхаясь от внезапного ужаса, склонилась над телом своего, дергавшегося еще в агонии Альфи, но красноармеец так же, в спину, застрелил и ее.

Сначала пришельцы принялись за кирху. Искали золото. Невдомек им было, что протестанты не украшают золотом свои храмы. Тем не менее, все, что было в их церкви сколько-нибудь ценного, посуду, утварь, загрузили на подводы и вывезли. То же самое произошло и в местной управе.

Из деревенской больницы на 10 мест, которой и управляла Сара Беккер, где лежали 2 роженицы, несколько детей и старик, выгнали всех, вытащили медикаменты и инструменты, как попало покидали в ящики, и также загрузили на повозки. Затем больницу забросали сухим хворостом, дровами от близлежащих домов, подожгли. Сгорела быстро, хотя и сложена из кирпича, окна и двери распахнули для притока воздуха, потому горело весело.

Чуть позже, всех до единого жителей, со стариками и детьми, согнали на площадь, объявили карантин. Уверенными мужчинами в кожаных куртках было подробно рассказано, что в округе бушует эпидемия холеры, что она обязательно придет и сюда, что всякий, кто выйдет за пределы Аннендорф, будет расстрелян, дабы не распространять заразу.

А потом началась основная операция: вывезли все запасы еды, вывезли вообще всё, что могло быть съедобного и несъедобного. Солдаты и люди в кожанках по плану заходили в дома

и выгребали из них муку, зерно, угоняли скот, били птицу, грузили всё в подводы. В домах не оставалось ничего съестного.

После этого колонистам стало всё окончательно понятно.

Андрея Мауля, опекавшего Сару и Эрнста с момента приезда в Россию, их работодателя и друга, расстреляли. Вместе с женой, прекрасной души Лизбет. А она была добрейшим человеком, уравновешивая сурового своего мужа, уговаривала не делать чего-то, что могло кому-то повредить и почти всегда побеждала в спорах с ним.

Пришедшие искали золотые монеты в доме. Андрей, то есть Генрих Мауль был врагом, согласно новым порядкам, кулаком, вместе с сидящим теперь в тюрьме Эрнстом управлял кооперативным хозяйством, что за семь лет превратилось в процветающее сельское производство.

Мауль был самым богатым колонистом, торговал зерном, привозил его на ярмарки. Выстроил внушительный каменный дом о двух этажах, большая семья с детьми и внуками, покупал все лучшее, современное, расплачиваясь при необходимости золотом. Его то приезжие чекисты и пытались найти.

Но так и не нашли: Генрих Мауль умел прятать свое золото, не посвящая никого, даже жену. После недолгих пыток несколько красноармейцев расстреляли на заднем дворе Генриха, Лизбет и двух их сыновей.

Кооператив их процветал во многом благодаря знаниям, уму Эрнста Беккера и опыту Генриха Мауля, сумевших организовать жизнь колонистов по-новому, на европейский манер, насколько это было возможно.

Именно Эрнст предложил сельчанам Аннедорф понятные и эффективные формы: продавать как можно более обработанный продукт их хозяйств. Для реализации больших планов в складчину построили небольшой кирпичный завод. Сразу после окончания гражданской войны Эрнст написал своим бывшим партнерам в Голландию и те прислали основные узлы для сыроварни, сопроводив подробными инструкциями, эта сыроварню построили тоже кооперативным способом. Теперь была решена проблема лишнего молока, так часто возникавшая в округе. Работала и своя мельница, давно уже, еще до революции. Кооператив выкупил ее, оборудовал новейшими механизмами, а они позволяли молоть муку быстро и с меньшими потерями. Это было реально работающее кооперативное хозяйство, именно то, что и задумывалось большевиками как колхозы.

С одним отличием: большевики сами хотели владеть и распоряжаться плодами трудов. Областные власти присылали в Аннедорф экскурсии из будущих колхозников, чтобы «перенять опыт». Но из этого ничего не вышло, ибо все приезжавшие были настроены только на одно: как «отнять и поделить».

Как создать им было неинтересно. Понятие собственности, намертво впаянное в европейское сознание, не вписывалось в их пролетарский дух. Вероятно, это непонимание принципов собственности тянулось еще оттуда, из крепостного права: разве может раб уважать чужую собственность, если у него нет своей?

В 1930 году из Саратова в Аннедорф приехало губернское начальство уговаривать Эрнста Беккера. Власти намеревались создать на базе немецкой колонии Аннедорф образцовое колхозное хозяйство, но которое во всем подчинялось бы советской власти. Эрнста уговаривали стать председателем этого колхоза, а качестве партийца предложили участника гражданской войны, бывшего кавалериста, тоже российского немца с Волги.

Эрнст отказался: непонятно, зачем колонистам надо отдавать свою собственность? Ради чего? Если их кооперативное хозяйство и так работает и приносит налоги в областную казну, какой смысл был что-то менять? Начальство же в ответ на эти простые вопросы что-то громко кричало лозунгами и обещало защиту.

– Защиту от чего? – с тем же недоумением спрашивал Эрнст.

– Защиту от контрреволюционных элементов, – отвечали люди в кожаных куртках, уверенные в силе всепобеждающего марксистско-ленинского учения.

В конце концов комиссар пригрозил Эрнсту, что если тот откажется, у него возникнут серьезные проблемы.

И проблемы возникли.

Менее, чем через год. После крутого поворота страны на рельсы коллективизации.

Сотрудники саратовского ОГПУ приехали на двух автомобилях в Аннендорф и арестовали Эрнста Беккера за контрреволюционную деятельность, выразившуюся в «создании чуждых пролетарской революции капиталистических производственных отношений в колонии Аннендорф».

В этот приезд чекисты привезли еще одну новость: по постановлению областных властей было решено переименовать Аннендорф в село Красногвардейское.

Но сегодня Эрнсту Беккеру крупно повезло: он сидел в тюрьме, а его непременно расстреляли бы за компанию вместе в Генрихом Маулем.

Их с Сарой кирпичный дом выглядел еще крепким, но без догляда, без хозяйской мужской руки уже видны следы разрушений: окна и двери давно требовали покраски, штукатурка обваливалась, крыша нуждалась в ремонте.

Когда строился дом, Сара попросила мужа соорудить для своих, дамских предметов, немногочисленных золотых украшений, небольшой неприметный шкафчик с тем, чтобы он ставался невидим и недоступен для детей. А даже если тайник они и обнаружат, не смогли бы открыть его. Украшения привезены еще из Европы тогда, семнадцать лет назад, иные были удивительной красоты. В числе прочего был там именной золотой медальон выпускницы цюрихского университета, с докторским титулом и третьим местом, которое Сара заняла по сумме своих результатов.

Медальон оставался предметом ее гордости. Никакое другое украшение она не хранила так, как эту безделушку, золотую пластинку, напоминавшую ей о том, что женщина далеко не всегда последняя в гендерной иерархии, которую мужчины выстроили для себя за прошедшие века. Там же хранилось ее обручальное кольцо с великолепным, чистой воды бриллиантом. По стоимости это, без сомнения, главная ценность ее тайника. В маленьком семейном сейфе хранились также и некоторые медицинские препараты, склянка с настойкой зёрен снотворного мака: опасно было оставлять ее на виду у детей.

Проводившие обыск два большевистских активиста не нашли этого шкафчика, да и не могли найти: он был искусно встроен в подоконник спальни и открывался только при помощи тайного рычага.

Активисты размахивали револьверами, кричали, будучи уже порядочно пьяны, ходили по дому, простукивали стены, заглядывали везде, куда только можно, требовали сдавать золото.

Долго куражились, угрожая ее изнасиловать, но поняв, что женщина не реагирует на угрозы потому, вероятно, что не говорит по-русски, успокоились. Немного погодя обыскали подвал, но хозяйства, коровы, кур или свиней у Сары не было — ей, врачу, хватало содержания, выделяемого общиной на деревенскую больницу. Все необходимые мясные или молочные продукты, выпеченный местной пекарней хлеб ей привозил кооператив, оставляя у калитки в специально выстроенном ящике, потом удерживая стоимость провианта из ее жалования.

Разумеется, никаких съестных припасов, кроме пары мешков муки и пары сахарных голов у Сары в подполе не обнаружили.

Муку и сахар, конечно же, забрали еще раньше, когда производили тотальный грабеж Аннендорф, в тот момент, когда жителей согнали на площадь и дома пустовали. Всех собак застрелили. А в это время множество активистов ОГПУ, среди которых и бывшие уголовники, батраки, разного рода перекаати-поле, которых районные чекисты собирали специально для

цели освобождения крестьян от их собственности. Они заходили в дома и выносили оттуда все сколько-нибудь ценные вещи, вроде швейных машин или граммофонов, грузили в подводы.

Подонков общества проверяли таким образом: как они себя ведут на экспроприациях, насколько подвержены воровству, послушны ли приказам. По результатам такой «работы» их могли рекомендовать в ОГПУ.

Много отребья попало туда этим путем. Но почти все они оказались расходным материалом: позже, в годы большой чистки тридцатых годов, этих сотрудников массово уничтожали или отправляли в лагеря. У начальства всегда рыльце в пушку, часто чекисты, занимавшиеся экспроприациями, накапливали килограммы золота, закопанного, сваленного где-нибудь в старом сарае. А те сотрудники, что и приносили конфискат, посвященные в их тайны, подлежали устранению: они сделали свое дело и должны быть уничтожены.

На их места приходили молодые люди, комсомольцы с вычищенными мозгами и совестью, не обремененные ничем, кроме выполнения приказов партии. Советская власть не собиралась морочить себя такими глупостями как гуманность, изначально относясь к людям как к простым, возобновляемым природным ресурсам, как к домашним животным, призванным выполнять свою функцию: давать шерсть, мясо, молоко. И как только люди утрачивали свою полезность для идеи всеобщего счастья, их списывали за ненужностью, расстреливали, ссылали в лагеря.

Воины в буденновках вывезли все и оставили деревню.

Потянулись долгие дни без еды. Через три недели заболела старшая дочь, Мария. Вероятней всего – пневмония, скорее всего стрептококковая, это Сара определила тотчас же. Возникла болезнь у Маши внезапно и быстро. Разумеется, в доме никаких лекарств не осталось, люди со красными звездами на лбах все что могли, увезли с собой, остальные же медикаменты, назначения которых не понимали, сожгли, не позволив взять Саре даже свои личные вещи.

Быстрота течения болезни дочери говорила также и о том, что на воспаление легких наложился какой-то другой недуг, возможно, пневмония вторична. Но без анализов определить заболевание невозможно, а в этих условиях тем более.

Врач с блестящим медицинским образованием не смогла спасти своего ребенка. Не помогло ничего: ни мед, ни зверобой с полынью, засушенные и чудом сохранившиеся в подвале, ни другие травы.

Началась последняя стадия заболевания. Дочь бредила:

– Отец, ты кричишь как цыган! Цыган!

Потом приходила в себя и хриплым, севшим голосом просила Сару:

– Не плачь, мама...

И гладила Сару по руке.

Девочка сгорела за пять дней.

Мать пыталась несколько раз применить способности, полученные от старухи, но они ничего не дали.

Дар старой ведьмы действовал только на чужих. Почему-то.

А может быть, та ярая страсть, с которой Сара пыталась вылечить свою доченьку, была причиной? И что старухин подарок действовал только в спокойном состоянии?

Кладбище находилось за пределами деревни, за рекой, но выходить туда равносильно смерти: пост с вооруженными красноармейцами – самый сильный аргумент, солдаты стреляли без предупреждения. По дороге, вдоль реки постоянно курсировала тачанка с пулеметом.

Сара закрыла в доме трехлетнего Сашу и отнесла тельце дочери в прихожую, запеленав в белую простыню: ничего, что могло бы послужить гробом не было.

Да и не нужен гроб.

«Разве сейчас есть смысл в деревянном ящике?»

На углу их участка торчал из земли большой камень, он, собственно, и служил межевым ориентиром для границы приусадебного надела. У этого камня и похоронила Марию.

Обращаться к соседям за помощью уже бесполезно: все обреченные в деревне еле двигались и никто не пришел бы. Не потому, что не хотел, а просто не смог: сил не было ни у кого. Умерших членов семей выносили в дальние сараи, трупы уже и не хоронили.

Сара рыла могилу. Сил не было, часто, подолгу отдыхала, потом, сжав в кулак волю, снова принималась за работу. Сначала попадались большие камни, плохо вылезавшие из земли, их приходилось окапывать, со стенами, ломая ногти, вытаскивать и выкатывать на поверхность. Потом пошел слой плотной глины, стало легче. Копала целый день, с раннего утра, долго-долго отдыхая, к вечеру кое-как выкопала. Это не была могила в обычном смысле, скорее, трапецевидная яма полутораметровой глубины.

На сооруженных кое-как полозьях привезла тельце.

Сара не смотрела на трупик дочери, на вечно застывшую маску с оттенком испуга, боялась не выдержать, взгляд ее рассеян, в никуда.

Нельзя терять времени, скоро начнет темнеть, и довольно быстро тельце завалила землей.

Потом сидела на коленях, над свежей могилкой.

Ее девочки, ее смысла жизни, ее надежды, ее безмерной любви больше не было.

Лицо Сары выглядело совершенно спокойным, будто ничего и не произошло, будто жизнь идет своим чередом и смерть маленького кусочка родной плоти – обыденное явление. Это продолжалось довольно долго...

Мыслей и вовсе нет, только обрывки вдруг возникших неуместных гимназических воспоминаний, причудливо прерывающихся улыбкой Эрнста в Париже, потом опять что-то из детства, перо отца, старательно скрипевшее на письменном столе, красивые облака, розово освещенные восходом солнца, крестьянская подвода, доверху груженная грушами, виденная в раннем детстве.

Но это продолжалось недолго: при всем опустошающем, оглушающем спокойствии, звенящем в душе, при бухающих в ушах тупых, гулких ударах сердца, вдруг, от промежности, по холодному животу и по спине стал взбухать жар, он медленно поднимался все выше, вызывая легкое дрожание, казалось, огонь сжигает все внутри. Понемногу начинало трясти, все больше и больше, будто от лихорадки. Если тут находился бы сторонний наблюдатель, он увидел искаженное судорогой тело, безумные глаза, растерзанные ведьминские, клоками волосы. Состояние тела и духа становилось похожим на падучую, в уголках губ белая пена, только женщина эта в полном сознании, вытянув шею, стоя на коленях, подняв к небу лицо и чуть раскинув в стороны руки.

Несколько секунд Сара без единого звука дрожала, расширенными от ужаса или дикого гнева зрачками уставившись в серое, низкое, повечеревшее небо. Внутренний огонь дошел до головы и из горла стоящей на коленях ведьмы вырвался страшный, низкий рык.

Рык шел прямо в небо. Просто крик, без слов, без смысла, без цели. Несколько мгновений она яростно рычала, обратив свою лютую ненависть туда, вверх. Это не было гневом Сары, это кто-то другой, чужой будто внезапно завладел сознанием и телом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.